

ПРОСТО ИГРА

Жизнь течет, как вода,
в полупризрачном сне,
в том,
что мы по ошибке
считали
игрой...
(Песня)

...Как бы перехватить с бабушкиной пенсии Машке на осенние сапоги. А если вытащить бутылки из-под пива с кладовки, отскрести, отмыть, найти, где их принимают за деньги, а не на обмен товара, может хватить на обеды в школе... И еще...

Эти сложные расчеты прервал резкий голос прямо над ее головой:

- Светлана Владимировна!

Вздрогнув, она вскинула глаза, заполошно схватилась за раскрытую папку.

- Да?

- Отчет отослали?

- Еще нет...

- Когда будет готов?

- Ну-у...

- Вы знаете, что он должен был готов еще вчера?

- Да, но...

- Прекращайте витать в облаках и займитесь, наконец, своими обязанностями! Понимаю, что вы женщина одинокая, но на работе нужно думать о работе!

Добрый вечер, мрачно подумала она, глядя в спину уходящего начальства. Да что ж я все время язык-то проглатываю? Данные дали всего полчаса назад, а на одну только обработку уйдет целый день... И какова стерва - как это ввернула насчет одинокости! П-проститутка старая! То ли настроение ей кто испортил, то ли снова сокращение намечается... Коллеги поглядывали кто с сочувствием, кто с усмешкой, но комментировать не пытались - Марковна стояла в дверях, с кем-то переговариваясь в коридоре. Ну ладно, выкинуть все из головы, дождю сегодня как-нибудь, возьму домой, наконец...

Она повернулась к компьютеру и поморщилась: опять Машка письма сбрасывает, лучше бы уроки до ее прихода сделала! Нетерпеливо щелкнула "вводом" - конверт раскрылся, описав плавную дугу, и в глаза бросилось напечатанное черным жирным шрифтом: "Кошка!"

Светлана Владимировна откинулась на спинку кресла, задумчиво разглядывая расплывающееся, как клякса, слово. Отчет мгновенно пе-

рестал для нее существовать - вместе со всем остальным миром. Из кляксы вновь появилось: "Кошка!", наплывая, заполняя весь экран, нетерпеливо, чуть ли не угрожающе.

"Yes".

"Игра 13-го. Игровое время: 1-2 суток. Полигон: комбинат. Тема: "Зона" АБС. Рекомендуемая литература: А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине. Оргвзнос: 100. Отказ: не принимается. Мик."

Светлана сняла очки и устремила усталые, неопределенного цвета глаза на теплое августовское небо. Трезвый Мик лаконичен до неприличия. Первое послание за несколько месяцев - и ни здрасьте тебе, ни до свидания, рассеянно думала она, уже прикидывая, какой 13-го будет день недели, можно ли забросить Машку бабушке на двое суток и...

И остановилась. Стоп, стоп, стоп. Ведь уже в прошлый раз решила - все, пора завязывать. Бабе под сраку лет, ребенок на шее, лучше бы подработку нашла. А она - только пальцем помани - готова сорваться и нестись сломя голову на дурацкие игры, от которых нормальный человек только пальцем у виска покрутит. И плевать на дочкины сапоги, последние деньги спустит, лишь бы провести пару-тройку дней в компании таких же идиотов...

Она говорила это себе и понимала - бесполезно, в воздух, в пустоту - потому что тело, уставшее, отупевшее от сидячих дней, месяцев, подбиралось, становилось настороженно-звериным; уже пальцы мягко постукивали по столу, вспоминая беззвучную азбуку, а сощуренные, словно ставшие зорче глаза следили, как на экране разворачивается следующее послание, (кто-то упал на хвост мастеру, хакеры несчастные!), уже без подписи: "Кошка! В этот раз я тебя урою!"

Светлана Владимировна улыбнулась. Потянулась к клавиатуре и медленно, со вкусом, с расстановкой, громко клацая клавишами, напечатала ответ из трех вполне приличных букв, образующих ну очень неприличное слово...

Еле уложив вяло сопротивляющуюся Машку - дочь зевала во весь рот и ныла исключительно из природной вредности - она долго и тщательно мыла посуду, упорно стараясь не смотреть в сторону компьютера, и все же то и дело кидала на мирно светящийся монитор быстрые "невзначайные" взгляды. Какого рожна тебе еще надо? Что тебе, персоналки мастера мало?

Решительно повернувшись к экрану спиной, она поставила табуретку и достала с антресолей старую спортивную сумку. Села тут же на пол, неторопливо доставая прикиды. Кольчуга из ковровых колец в полный рост... ведь таскала же на себе такую тяжесть, уму непостижимо... первый деревянный двуручный меч... Есть, говорят, коллекционеры, которые с руками отрывают реликвии первых Хоббитских Игрищ - музеи организуют да книги пишут - продать, что ли? А если сюда прибавить плату за тренажеры, посещение через знакомых ментов стрелкового тира... Надо завтра пристрелять пневматику, да и побегать по вечерам бы не мешало - совсем закисла.

Где-то тут была схема комбината с позапрошлоголетней игры... Может, стоит смотаться туда, припомнить, что там к чему... Ага, вот она! Не сводя глаз со схемы, Светлана машинально натягивала кошачий прикид: пятнистые штаны, черную водолазку, камуфляжную куртку с множеством карманов, высокие ботинки, ремни, перчатки... Поднявшись, вышла в коридор, к большому зеркалу, на ходу надевая маску.

На нее смотрела Кошка. Гибкая, черная, сильная. Повернулась медленно, поблескивая зелеными в прорезях маски глазами, внимательно оглядывая себя: слава Богу, не расплылась, никаких лишних складок, и черт с ней, с зарядкой... Она присела, пружиня, на шпагат, сделала несколько разных «гере» - нигде не жало, не тянуло, не мешало, не давило...

Сзади пискнул компьютер, у Светланы екнуло сердце. Махом оглянувшись, уставилась на экран. Подошла, как загипнотизированная. Коротко вздохнув, нажала "ввод". Может, это опять Мик... или... На экране таяла улыбка.

"Кошка, здравствуй. Набираю команду. Идешь?"

Она оперлась о стол рукой с зажатой в ней маской и отпечатаала - с жутковато-сладким чувством, похожим на то, с каким бросаешься в ледяную воду.

- Иду.

С Улыбкой они играли второй год. До того в миковских "игрушках" Кошка переходила из команды в команду, а то и вовсе была вольным стрелком – «игротехом», мастерским игроком - по своему желанию или хотению Мика-мастера, любящего перетасовывать людей и смотреть, что из этого получится. Собственно, этого парня Кошка и не помнила - каждый игровой сезон приходила куча новичков, и большинство из них ничем особенным не выделялось...

После окончания "Бури в пустыне", как пышно обозвал свою игру Мик (обыкновенную "войнушку" с террористами, арабами, ЦРУшниками, КГБэшниками, заложниками, похищенным атомным оружием и прочими прелестями), Кошка забрела в Перекресток. Вообще-то она редко это делала: послеигровое обсуждение зачастую превращалось в натуральные разборки вплоть до мордобитья. Но в этот раз Игра получилась на диво, и разбегаться просто так не хотелось. А посему народ засел в ролевушном кабаке-клубе, делясь впечатлениями и претензиями. Как водится, последних было больше, и когда Кошка с ЦРУшниками явилась в Перекресток, там уже стоял вселенский ор. Враждующие стороны обвиняли друг друга в несоблюдении правил и недосчете "хитов" - игровых жизней - и все дружно нападали на "мастеров-козлов". Мик, не растерявший энергии и сил за несколько месяцев подготовки к Игре, успешно отбрехивался; подмастерья обижались и орали "сам дурак!"; кто-то спал; кто-то пил; кто-то обменивался адресами - словом, все, как обычно.

ЦРУшники подались резко вправо - к спасенным заложницам - и, сравнив их хорошенькие рожицы со своей грязной кошачьей мордой,

Кошка пошла к любимому столу у самой стойки. Вправду сказать, мнение о «ЦРУ» у нее сложилось препоганое: команда была с бору по сосенке, склочной, без конца борющейся за лидерство (удивительно, что они не перебили друг друга еще до встречи с террористами). Так что Кошка была рада от них отдохнуть. Хотя она не относилась к "загруженным" игрокам, которые полностью включались в Игру, и которых после ее окончания приходилось чуть ли не под локотки водить в туалет и обеспечивать им прочие жизненные надобности, в этот раз Кошка выложилась здорово. Единственное, что ей сейчас было нужно - еда, пиво и молчание.

Вообще-то стол был мастерским, но Мик сейчас был занят перетягиванием с ролевиками, да и питал к Кошке некоторую слабость; посему она, бесцеремонно сдвинув посуду, кинула на сиденье куртку и сумку и пошла к стойке. Барменша Катя - Кэти - была женоненавистницей. А так же ненавистницей домашних животных. Увидев, что неприятный экземпляр, единый в двух лицах, приближается к ее драгоценной особе, Кэти немедленно повернулась к залу обширным задом. Кошка оперлась об исписанную автографами стойку, разглядывая этот зад и раздумывая лениво, что будет, если пухнуть в него: может, похудеет? Двое парней, разговаривающих неподалеку, мельком взглянули на Кошку, один - светловолосый - кивнул, здороваясь. С запозданием Кошка кивнула тоже: явно не из игроков-ветеранов, а с новыми она была плохо знакома. Парень позвал:

- Эй, Кэти, хозяйюшка!

Та мгновенно развернулась.

- Нам повторить, а девушке... что тебе?

- Пиццу и пиво.

- Пиццу и пиво, - повторил парень.

Кэтрин стрельнула карим глазом.

- Домашним животным вход воспрещен, - она налила парням по полстакана и катнула по стойке еле успевшей поймать заказ Кошке. Закончила мрачно, - штраф - стольник.

- Мик заплатит, - уведомила Кошка, убираясь на место. Уплетая пиццу, разглядывала Перекресток. Известный клуб ролевиков никогда не пустовал: здесь собирались на "загруз" перед Игрой, на обсуждение - после, и на тусовки - вместо. После прогремевшего на полстраны миковского "Маскарада" у игроков, в нем участвовавших, стало хорошим тоном приходить в масках, а потом эта мода перекинулась и на молодежь, и на остальные миковские игры. Здесь всегда царил задымленный полумрак, и пахло книгами, костром, кожей, металлом... Светлане Горечкой стало бы дурно, а Кошка тащила от этих запахов, как натуральная кошка - от валерьянки. Здесь пахло Игрой...

- Можно?

Кошка подняла глаза - давешний парень. Кивнула с некоторой настороженностью: судя по прикиду, был он одним из террористов, которых и замочили ЦРУшники. Пришел права качать? Парень сел, поставив перед собой бутылку "Балтики", закинул руку за спинку и стал смот-

реть на Кошку. Кошка начала давиться, а устав это делать, сказала невежливо:

- Ну?

- Классно играешь, Кошка.

Кошка хлопнула пару раз глазами и, согласно кивнув, облизала пальцы.

- Меня зовут Улыбка, - сказала парень, зорко высматривая встречную улыбку. Кошка пожала плечами.

- Бывает...

- Я капитан террористов.

Она взглянула с интересом: что-то такое Мик говорил об их командире... Хвалил. Парень как парень – рост средний, телосложение среднее, подбородок крепкий, глаза в прорезях маски кажутся темными, волосы густые, светлые... Парень, поглядывая по сторонам, хлебнул пивка.

- Удачная игрушка, да?

- На диво, - хмыкнула Кошка.

- Ты, говорят, на всех миковских играх была?

- Не считала.

Кошке хотелось спать, хотелось молчать, и она вовсе не собиралась быть любезной - если Улыбка пришел потрепаться, пусть ходит мимо... Но Улыбка и сам оказался не очень разговорчивым, и Кошка настолько свыклась с его молчанием, что даже не сразу не поняла услышанное:

- Что?

- Пойдешь к нам в команду? - Улыбка отставил бутылку и подался к ней через стол.

- Костяк более-менее один: я, Шустрик, Арнольд, Хан, Рагнар... Сыгрались. Пойдешь к нам?

Кошка машинально взяла его бутылку, хлебнула. Улыбка внимательно следил за ней сквозь прорези маски.

- С чего это вдруг?

- Я же говорю - играешь здорово. Понравилась.

- Кому?

- Нам, - терпеливо сказал Улыбка. - Давай в следующий раз... что там у Мика? "Мауи"?.. к нам. Может, сыграемся.

Кошка двинула бровями, автоматом допивая его пиво: звали ее не в первый раз, но редко в сложившуюся команду - характер у нее был не сахар и язык не мед. Уж слишком Кошка любила гулять сама по себе. Но и отказывать особой причины не было: всем известно, что новички - народ "энтузиастичный", ответственный и играет честно. А уж какой Улыбка капитан - посмотрится.

- Ну ладно. Адрес у Мика. - Кошка встала. Машка, наверное, уже заждалась. - Пока.

Улыбка - господи ты, боже мой, джентльмен! - поднялся тоже.

- Тебе в город? Хочешь, подбросим?

- Сама доберусь.

Она пошла к выходу.

- Кошка!

Оглянулась.

- Сыграемся! - сообщил ей Улыбка, подымая бутылку, словно тост.

Кошка махнула рукой.

- Увидим...

Сыгрались.

Она уже в который раз вытряхнула сумку, раздумывая, что оставить. Удивительно, как много требуется вещей, когда собираешься всего на два-три дня... Слава Богу, не в лес, как вспомнишь эти рюкзаки да чехлы с мечами... Будут местные и несколько команд из ближайших городов. На регионалку не тянет, да Мик, похоже, и не шибко стремится - последняя игра на полигоне в этом году, разве что кто из мастеров пожелает сделать "павильонку"... Ломая голову над неразрешимой задачей - брать резиновые сапоги или нет - Светлана рывкнула в трубку не вовремя зазвонившего телефона:

- Да! О, Сереж, привет...

- Слушай, - бодро сказал ей нынешний... как это у Хмелевской... ха-халь? - Я завтра спихну своих на дачу. День куда-нибудь Машку, я к тебе приеду. Что брать? Шампанское, вино? Слушай, приготовь мясо по-французски, оно у тебя обалденно выходит...

Она слушала и все больше ощущала себя преступницей.

- Ой, Сереж, я завтра не могу... и в воскресенье. Меня не будет в городе. Понимаешь, очень важная встреча...

- Так отмени! - нетерпеливо сказал он. - Я же отменил. Ну, Свет, в кои-то веки подвернулась такая возможность, а ты... Светик, я соскучился, очень соскучился. Давай, отменяй все, хорошо? Свет, ну что за дела, я с таким трудом все устроил...

Ну да, думала она, слушая его терпеливо-раздраженный голос. Наконец-то выделил мне время между своей семьей и субботним футболом, а я, сволочь неблагодарная, не виляю хвостиком и не визжу от радости...

- Нет, Сереж. Извини. Я не могу. Правда, не могу.

Пауза.

- Да? Ну ладно. Я всегда готов для тебя на уступки, а ты мне на встречу идти не хочешь. Ну что ж... счастливо отдохнуть. Пока.

- Пока, - сказала она в загудевшую трубку.

Похоже, личная жизнь опять насмарку... А, да провались эти проклятые сапоги, не сахарная, не растаю!

Стол у стойки был занят - обернулись все разом, словно их окликнули - или они оборачивались на каждый хлопок двери? Чувствуя, как на ее лице расцветает неудержимая улыбка, Кошка, кивая по сторонам, дошла до своей команды. Шустрик ухватил ее за ремень, притянул, приподнялся, смачно чмокнул. Кошка демонстративно вытерла рот. Обош-

ла Арнольда, вяло пошевелившего в знак приветствия пальчиками. Тот, слегка повернувшись, сказал гнусаво:

- Мальчик, уступи место леди...

Сидевший на ее месте парень легко выпрыгнул со скамьи, сказав на ходу:

- Привет, Кошка!

Кошка, мотнув головой, села. Продолжая разговаривать с соседним столом, Улыбка стягивал перчатку. Протянул руку, крепко пожал Кошкину ладонь.

- Арнольд, детка...

Арнольд медленно встал и с отсутствующим видом приволок от стойки пиццу. Не спрашивая, налил Кошке полстакана, плеснул понемногу в остальные. Кошка огляделась.

- А где Хан?

- Не будет, - доложил Шустрик. - У него дочка родилась. Рыжая!

Кошка невольно заинтересовалась. Хан был черноволосым азиатским парнем.

- Да ну? В кого?

- В соседа! Так что он пока из дому ни ногой! Носится с бутылочками, сосками, пеленками... Папаша!

- Семья как гибель толкинизма! - мрачно резюмировал Арнольд, боднув своим стаканом стакан Кошки. - Поехали - за новорожденную Аньку Игоревну!

Парни общались и «по жизни». Кошка, хоть и испытывала легкую зависть и ностальгию по тусовочности первых ролевых лет, поддерживать отношения не стремилась - отчасти из желания как-то упорядочить свою жизнь (как же, ведь Роман не одобряет!), отчасти из-за некоторого возрастного комплекса: игроки, как правило, были много моложе... Правда, иногда болтала с ними по аське - особенно часто с неугомным Шустриком.

- Сунули нам замену, - сообщил Арнольд, вкусно закусывая. - Новичка. Улыбка в жребий вытянул, пальцы бы ему пообрубать до самых колен... У Мика новые заморочки - сопляка в нагрузку.

Сам Арнольд играл второй год и на том основании считал себя ветераном. Здоровенный парень с белыми коровьими ресницами и почти бесцветными глазами. Кошка боялась, что так и не привыкнет к его гнусавому тонкому голосу. Привыкла.

- И как нагрузка?

- А вон она... - с отвращением сказал Арнольд.

Шустрик пропел, глядя через плечо:

- Мы не хиппи, мы не панки...

- Хай! - весело сказал парень, бросая у стола задрипанный рюкзак.

- И тебе хай, - вежливо согласился Шустрик. - Вот это наше подрастающее поколение, Кошка.

Кошка прикусила щеку. Цветастые джинсы, бесчисленные - по локоть - "фенечки", серьги в ушах, бандана поверх длинных нечесаных во-

лос... Вот приведет однажды дочь такое сокровище, подумала Светлана. Отпад, подумала Кошка.

- О! - сказал парень радостно. - Кошка! Ты, говорят, в спецназе служишь?

Арнольд подавился очередной котлетой и часто заперхал. Кошка гулко хлопнула его по чугунной спине.

- И что?

- Круто! - парень увалился рядом с Шустриком, не сводя с нее расширенных глаз. - Это ты в прошлый раз Дэна урыла?

- Это какого? - заинтересовался Шустрик. - Их же на Игре, как собак нерезаных!

- Попробуй всех урой, - поддержал Арнольд.

- Ну, этого, как его... с Н-ска...

- А, этого! - пренебрежительно махнул рукой Шустрик. - Да наша Кошка его одной левой!

- Одним плевком! - поддакнул Арнольд.

Кошка посмотрела на Улыбку. Капитан сидел, прислонившись спиной к стене, поглядывая то на зал, то на свою команду. И молчал.

Кошка протянула руку, и Улыбка привычно полез за сигаретами. Новичок его опередил - сунул в ладонь Кошки помятую пачку.

- Угощайся!

Она понюхала сигарету и посмотрела на Улыбку. Тот взял пачку и сунул в карман своей куртки.

- У-уй! - сказал парень, тараща глаза.

- Торчать будешь после Игры! - спокойно сообщил Улыбка. - Играешь натрезвяк.

- Нет, ты че, мент, или кто? У вас что тут? Детский сад, что ли?

- Ясельки, - ласково сказал Шустрик, пока Улыбка с отсутствующим видом застегивал клапан кармана. - Будешь хамить капитану, до Зоны не дойдешь. Имя у тебя есть?

- Антон, - пробурчал парень. - Энтони.

- Какой ты, на хрен, Энтони, Лох ты! - информировал Шустрик. - И Лохом останешься до конца Игры. Понял?

Кошка, наконец, прикурила сигарету от улыбкинской зажигалки. Затягиваясь, пригляделась - капитан, слегка засмуцавшись, потер левое ухо. Блеснули две серьги - гвоздик и колечко.

- Ну и ну, - только и вымолвила Кошка.

- А у нас теперь униформа такая, - сообщил Арнольд. - Я вот решил кольцо в нос вставить.

- Ты и так гундосишь.

- Я не гундосю! - с достоинством возразил Арнольд. - У меня французский прононс!

- Прононс у него...

- И вместо кошачьего отряда нас будут называть голубым отрядом, - заметил Шустрик.

- Отряд голубых, - мечтательно сказал Арнольд.

- Армия любовников, - в тон ему произнес Улыбка.

- Вы как хотите, а я не пидор! - обиделся, а то и встревожился Лох. Шустрик начал оглядывать его с преувеличенным интересом.

- Да? Будет время проверить...

Лох отскочил от него, как ошпаренный.

- Ой, б!..

- Бутылку возьми! - крикнул ему вслед Шустрик. - Обмоем твое вступление в армию любовников!

И тут же сунулся к Улыбке.

- Дай затянуться!

- Слыхал - после Игры, - сказал Улыбка.

- Да дай, не жопься, я быстро!

- Вонять будет, - сказала Кошка.

- Непедагогично, - заметил Арнольд.

- Да ни хрена он не учует! Видали у него зрачки? Ну, быстро!

Улыбка достал сигарету, прикурил, медленно затянулся и отдал Шустрику. Тот сделал несколько глубоких быстрых затяжек и сунул Арнольду. Арнольд поднял широкую ладонь.

- Пропускаю.

- Кошка?

Она с сомнением повертела сигарету. Травку она не курила. Да и вообще не курила - по жизни. Затянулась. Передала Улыбке. Он отдал Шустрику. Воровато оглядываясь, тот быстренько докурил и помахал в воздухе рукой, символически разгоняя приторно-сладкий дымок.

- П-педагоги, - проворчал Арнольд.

- Ш-ш-ш, - шикнул Шустрик, - мастер говорить будет!

К стойке и вправду выбрал Мик. Был он, как обычно, огромен, грузен и бородат. Привалившись спиной к стойке, Мик с минуту смотрел в зал. Уяснив, что большинство не соизволило обратить на него внимание, он поднял лапу и гаркнул:

- Нарр-род!

Игроки не сразу, но поутихли, в зале послышалось дружное движение: кто поворачивался, кто вставал, кто проходил ближе...

- Рад вас всех видеть!

- У-у-у!

- Хай-хай!

- И мы, Мик!

- На Игру заявилось порядка восьмидесяти человек. Играем, как вы знаете ...надеюсь, что знаете... по "Пикнику" Стругацких. Полигон площадью десять на пятнадцать, игровое время - сутки-двое. Общая игровая задача - обнаружение Золотого Шара. Большинство сталкеров новички. Лишь у ветеранов есть карты Зоны, но далеко не полные. Команды, заботьтесь о проводнике или будете безвылазно сидеть в Стране мертвых. Пребывание в ней, кстати, шесть часов.

- У-у-у, Мик!

- Жестоко, мастер!

- Ничего-ничего, учитесь ценить жизнь - свою и чужую. Напоминаю, что можно вынести из Зоны помимо Шара: черные брызги, зуду, пус-

тышку, ведьмин студень, смерть-лампу... образцы на стойке. Дорога проверяется гаечками, число которых ограничено. Новичкам рекомендую поучиться в школе Стервятника... то бишь меня... за умеренную плату, разумеется. Господа сталкеры, за вами будет охотиться полиция, если поймают - срок отсидки четыре часа. Не забывайте и про ловушки - жгучий пух, комариная плешь, мясорубка... Если кто угодил в ведьмин студень, не обессудьте - за полчаса не доберетесь до врача - милости просим в мертвятник. Время в Зоне тоже ограничено, не надейтесь зависнуть там на весь световой день, через три часа загнетесь. Ученые Института - ваш командный мастер Синди, прошу любить и жаловать. И еще раз о Правилах - Правила надо знать.

- Вот это что-то новенькое! - заметил Улыбка. - Покажите мне хоть одного игрока, который бы до конца изучил Правила...

- Или мастера! - поддержала Кошка.

- А вообще - как сыграете, такую и получите Игру! И запомните: на этой Игре мастера - не козлы!

Бросив этот последний лозунг во взрепевший народ, Мик повернулся к своему столу. Втиснулся между Кошкой и Арнольдом, подвигался, умащивая мощные телеса, похлопал приветственно соседку по заливку и сказал с удовольствием:

- Привет отряду кошачьих!

- Класс млекопитающих, подкласс хищников... - пробормотал выжатый Арнольд, пытаясь втиснуть назад свою задницу. - Мик, тебя так много, а ты ведь еще и не пил...

Кончилось все тем, что ворчащий Арнольд притащил стул и уселся в торце стола. Образовался теплый круг, в котором немедленно появились новая бутылка, консервы и даже притащенная неведомо кем трехлитровая банка огурцов.

- За мастера, за мастера, - приговаривал Шустрик, разливая. - За нашего великого - во всех отношениях - мастера!

Зазвенели дружно сдвинутые стаканы. Шустрик выдрал водку из поднятой руки Лох.

- Пионерская норма!

- Они теперь не пионэры! - заметил шумно хрустевший огурцом Мик. - Они теперь эти... как их... скауты! ты скаут, ребенок?

- Я трезвенник! - мрачно сказал Лох, наблюдая, как исчезает содержимое его стакана в шустриковской глотке.

- Эт-то правильно! - одобрил Мик. - На Игре надо быть трезвым и злым.

- Тогда ты, Мик, - рассудительно сказал Арнольд, - много не пей. А то будешь с похмелью трахать нас всяческими способами.

- Я, - с достоинством объявил Мик, - ориентации не менял. Вот Кошку я бы с великим удовольствием!

Кошка еще скучающе вела глазом, а сидевший напротив Шустрик, откинувшись назад, описал ногой в старой кроссовке дугу в миллиметре от миковской физиономии. Поднялся ветер.

- Базар фильтруй, Мик, - сказал миролюбиво, - а то как бы тебе бороду не обрили!

- Кстати, - сказал рослый парень, остановившийся у стола с бутылочкой пива, - а как у нас отыгрывается изнасилование?

Кошка откинула голову, окидывая его взглядом: волевая челюсть, крепкий лоб...

- Мик, а как у нас отыгрывается отрезание яиц?

Первым ухнул Мик. Потом заржал весь стол. Парень - делать нечего - усмехнулся тоже, постоял еще, выжидая приличествующую паузу, и отошел.

Игра, как обычно, началась до Игры. Уже заключались пакты о ненападении, скупщики сулили большие барыши, уже дипломат и интриган Шустрик уходил и говорил с известными и неизвестными людьми; возвращался очень довольный, вклинивался в беседу, выпивал и снова исчезал. Мик только отмахивался от игроков, пытающихся что-то уточнить по Правилам:

- К командным мастерам, дети мои, к мастерам!

В голове было пусто, звонко и гулко. Кошка вертела стакан и размышляла, почему такие дозы не валят ее с ног. В реале ей хватает одной рюмки.

- А помнишь, - говорил Мик, приобняв ее за плечи, - первые Хоббитские? Эльфы...

- Пильфы, - кивала Кошка.

- ...орки, Фродо, - зажмурившись, мечтательно продолжал Мик, - колечко ...песня! Эх, где наши годы молодые!

Кошка на самых первых ХИ не была, но коль пришла мастеру охота понастольгировать, слушала с удовольствием.

- То-то я смотрю, ты точно такие игры и делаешь! - язвительно заметил Арнольд, у которого алкоголь, наконец, добрался до головы и начал портиться характер. - Гибрид "Зарницы" с п-пейнтболом!

- А что? Игры всякие нужны, игры всякие важны... Пусть человек лучше здесь оторвется, чем на твоей башке в подворотне!

- Психотерапевт ты наш! Бла-адетель! - пропел вернувшийся Шустрик.

- Понимаешь, - говорил Улыбка, потирая покрасневшее ухо, - у меня такая работа... в общем, я всегда должен быть в форме.

Кошка кивнула.

- Метрдотель?

Улыбка хмыкнул.

- Ну, где-то рядом... - ей пришлось податься через стол, потому что над левым ухом продолжали дискутировать два гиганта.

- А мне это уже - вот где! Особенно после Игры - так, знаешь, хочется что-то изменить...

Кошка знала. Два года назад после Игры она, наконец, подала на развод с Романом и, как ни странно, до сих пор об этом почти не жалела.

- Ну, вот и... - Улыбка вновь потер ухо. Кошка отвела его пальцы.

- Спиртом протирай.

- Водкой можно?

- Хоть пивом.

Пьяная идиотка, подумала Кошка, обнаружив, как уютно устроилась ее рука в улыбкинской теплой, бьющей током ладони. Правда, дальше самокритики дело не пошло...

- Ну и как на это посмотрели на твоей работе?

Он засмеялся:

- Радостно!

Кошка представила, как приходит на работу в ярко-розовых "бермудах" и ядовитой "кислотке" с вырезом до пупа, и завистливо вздохнула:

- Везет же некоторым! У нас сурово - юбка до колен, чулки...

Капитан медленно улыбнулся:

- Чулки? Чулки - это здорово...

Кошка встретила с ним глазами и, чтобы отвлечься, прислушалась к общему разговору. Общий разговор меж тем катился по излюбленной колее - а почему же мы все-таки играем?

- В жизни скучно, - говорил Мик, хрустя огурцом. ("Говори за себя" - вставка от Арнольда.) - Хочется адреналинчику. А повысить его можно по-разному. Геймы компьютерные адреналин повышают? Повышают. Удовлетворение есть? Есть - если выиграешь. Жизненный тонус - ноль. Или вот, к примеру, дали тебе по башке в подворотне...

Улыбка хмыкнул:

- Видно, часто ему в подворотне прилетает!

- Оно и заметно!

Мик продолжал:

- ...Адреналин? повысился. Удовлетворение? Есть - если ты мазохист. Жизненный тонус? Нулевой. И что мы имеем в итоге?

- А в итоге мы имеем тебя, Мик, и твои "Зарницы"! - сообщил вновь объявившийся Шустрик. - Будь здоров! Хорошо, что тебя по жизни никто как следует не удовлетворяет!

- А ты зачем на Игры ездешь, Арнольдик?

Арнольд подумал, повел могучим плечом.

- Здесь можно побыть совсем другим человеком.

- А есть еще такая болезнь, - услужливо сообщил Шустрик, - раздвоение личности. Шизофрения называется.

Мик поскреб волосатую шею.

- В свое время знакомые мне такой диагноз и ставили. А потом мне в голову пришла оч-чень интересная мысль: а может, мы-то как раз нормальные, а вокруг одни психи?

- Жить, - сказал Шустрик глубокомысленно, - нужно играя и играть живя.

- Ну, совсем-то другим не получается, - с сомнением заметила Кошка.

- Да? - сказал Улыбка. - У меня, например, по жизни очень скверный характер. Просто стервозный.

- У тебя? - неподдельно изумилась Кошка. Улыбка был из тех редких капитанов, которые в случае проигрыша не обзывают команду идиотами и козлами, не напрягают демонстрацией своей власти и излишней опекой.

Кошка поглядела на потолок, подумала и, перегнувшись через стол, спросила:

- А веришь, что я по жизни очень закомплексованная и нерешительная девушка?

Улыбка, подавшийся ей навстречу, беззвучно засмеялся - в полумраке блеснули белые ровные зубы:

- Что девушка - верю!

Кошка перехватила взгляд Арнольда на их сцепленные руки и внутренне ощетинилась - пьяный Арнольд начинал язвить все, на чем фокусировался его взгляд. Но Арнольд, на удивление, промолчал. Выступил обнявший Кошку за плечи Мик:

- Ох, народ, за что же я вас так люблю? Ведь я же вижу вас всего несколько раз в году!

- За то и любишь, - сказала Кошка.

И вот они лежали мордой в землю - кто молча, кто вполне внятно матерясь - попасть на "сковородку" после хорошего получасового броска безо всяких происшествий по "надежной" улыбкинской карте...

Кошка лежала там, где ее застал возглас Улыбки - спрятав под себя руки, натянув на голову воротник куртки и одним глазом поглядывая на братьев-сталкеров. Шустрик вертелся, действительно, как уж на сковородке, непрерывно ругая Мика, так их уевшего, и время от времени зверски шипел на пытавшегося поднять голову Лоха. Арнольд лежал молча и монументально, Улыбку, упавшего первым, не было видно из-за его мерно дышащей груди... Могло быть и хуже - в конце концов, лежишь на сухой земле, на листьях, черт подери, опять яичники застудишь... И ради того, чтобы полежать мордой в землю на заброшенном комбинате в окружении здоровенных придурков, платишь деньги, кидаешь дитя родное, едешь черте куда, наплевав на работу и личную жизнь, и...

- Подъем! - сказал Улыбка, и Кошка одним прыжком оказалась на ногах.

- Все живы? - осведомился севший Арнольд.

Улыбка, морщась, разглядывал "сковородку" - выжженный круг травы.

- У меня правая рука поджарилась. У Лоха - левое ухо...

- А че?

- Башкой вертеть не будешь, вот че! - разъяснил Шустрик.

- ...рекомендую перевязать. А у Шустрика... - Шустрик, отряхивающий штаны, замер. На лице капитана появилась коварная ухмылка.

- ...обгорело причинное место...

- Кошка, перевяжи! - немедленно сказал Шустрик, расстегивая пряжку ремня. Кошка наклонила голову и стала смотреть с подчеркнутым интересом. Пальцы Шустрика двигались все медленнее...

- Тоже ерзал, как уж на сковородке, - проворчал Улыбка. - Ладно, задница у тебя обгорела.

Лох безуспешно пытался обмотать ухо и краснел от натуги и злости. Арнольд, все еще сидевший на земле, некоторое время наблюдал за ним, потом сжалился:

- Подь сюда, скаут... - и щедрой рукой намотал Лоху на голову белоснежный чепчик. Держась за поясицу, Шустрик бродил вокруг, охами и вздохами демонстрируя свои страдания. Улыбка, орудуя зубами и левой рукой, ловко перематывал правую. Когда Кошка догадалась подойти, осталось только закрепить бинт. Завязав узелок, Кошка осталась стоять рядом - Улыбка вопросительно вскинул глаза, отразившие небо бабьего лета.

- А я, значит, нигде не обгорела?

Улыбка посмотрел на "сковородку".

- Ты - и Арнольд - были на границе круга, - сказал спокойно. - Если хочешь обгореть, в следующий раз падай удачней - в центр.

- Извини, - сказала Кошка, чувствуя себя глупо.

- Нет проблем.

- Эй, Кошка, недовольна? - крикнул Шустрик. - Хочешь, задницами махнемся?

- Мне своя больше нравится.

- И мне тоже, - охотно согласился Шустрик. Кошка решила не уточнять, о какой из двух возможных идет речь.

- Ну, ни хрена себе Мик дает! - восхищался Шустрик. Вертолет кружил над ними уже минут десять, словно пес на поводке: заметят, считай себя покойником. - Вот, где наши сотенки!

- А если в винт камнем? - предложил Лох.

- А если по ушам? - спросил Шустрик.

Кошка покосилась на Улыбку - тот, казалось, дремал, прикрыв лицо локтем. Сорвала травинку и сосредоточенно пощекотала подбородок капитана. Тот отмахнулся лениво - раз, другой - потом угол его рта пополз вверх и, не раскрывая глаз, Улыбка попытался перехватить кошканы пальцы - та едва успела отдернуть руку. Шустрик наблюдал за ними, положив подбородок на сложенные друг на друга кулаки. Вздохнул:

- Чисто дети!

И немедленно уполз щекотать уснувшего Арнольда.

- Извини, Улыбка, - проныл Арнольд. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и уныло смотрел на свои длинные вытянутые ноги. Четверо стояли перед ним и хмуро взирали на них же. Ноги до колен были заляпаны синей краской - Арнольд вломился в "ведьмин студень"

- Так, - сказал Улыбка и, вскинув руку, посмотрел на часы. - Ноги до колен парализованы. Если за полчаса не доставим к костоправу, Арнольд загнется.

Кошка поглядела на кислые рожи сталкеров. Возвращаться никому не хотелось - Игра всего ничего, а тащить на себе громадного Арнольда, да еще с риском попасть в ловушку или напороться на полицейских и загреметь на несколько часов в тюрьму или мертвятник... Шустрик присел было на край стены, но, увидев обращенные на него взгляды, подскочил, как ужаленный, хватаясь за тощую задницу.

- Ое-ей! Волдырь лопнул!

Лох с удовольствием зафыркал. Улыбка поглядел на свою команду, на дорогу назад, пощурился на солнце и сказал:

- Ну, Лох отпадает...

Хоть и с неохотой, все согласились: для того, чтобы тащить Арнольда, нужно три таких Лоха.

- Спички у кого есть? Будем тянуть, - сказал Шустрик.

- Кто гаечку дальше кинет, тот и остается.

- Ну да! - заныл Шустрик. - Сам так целый месяц тренировался, а теперь нас строишь!

- А тебе кто не давал?

Впрочем, кинул Шустрик вполне прилично. Кошка смерила взглядом расстояние, вздохнула и бросила тоже. Оба смотрели на капитана. Улыбка повертел задумчиво в воздухе гаечку - и тоже кинул.

Смотреть пошли Улыбка с Шустриком. Кошка глядела на смиренно помалкивающего Арнольда и прикидывала, как его придется тащить - волокушу, что ли, делать? Улыбка нес гайки за разноцветные ленточки, словно рыбий улов. Шустрик корчил неприятные рожи.

- Наловчилась, - злобно сказал Кошке и обратился к Арнольду, - ну что, болезный, может, сам поползешь?

Улыбка кивком подозвал Лоха, развернул карту.

- Пойдете по этому маршруту. Здесь обращайтесь внимание на трещины. Кошка, смотри! Основное направление - на ту трубу.

- Какую? - хмуро спросила Кошка. Она не верила, что кинула гайку дальше всех, но больше не хотела выставлять себя подозрительной дурой. - Их же тут до едрени фени...

- Вон та, с мозаикой. Там ждите нас. Часа через два должны обернуться.

- А если нет?

- Действуйте, как знаете.

Остающиеся помогли взвалить Арнольда на плечи - тот только вздыхал с подчеркнутой виноватостью.

- Найдете Золотой Шар, - крикнул Шустрик напоследок, - пожелайте, чтоб Арнольд скинул килограмм тридцать!

Они провожали взглядом парней, ссутулившихся под тяжестью Арнольда - его ноги волочились по земле, иногда конвульсивно подергиваясь, словно желая помочь, и вновь замирали.

- Они что, так его и потащат до самого конца? - с ужасом спросил Лох.

- А то! Играть так играть...

Кошка уже который раз оглянулась и остановилась. Притомившийся, а потому, наконец, заткнувшийся Лох немедленно рухнул на остаток железобетонной плиты.

- Привал?

Подпрыгнув, Кошка подтянулась на заржавленной лестнице и внимательно взгляделась в тропинку. Спрыгнув, вытерла пыльные ладони о пыльные же штаны и сказала, не слишком повышая голос:

- Может, хватит уже в "догоняшки" играть? Выходи!

Лох подскочил:

- Кто? Где?

- Держись подальше... - вполголоса приказала она. Из-за железнодорожной насыпи медленно поднялся парень, постоял, глядя на них. Развел руки, демонстрируя открытые ладони, и медленно пошел к ним. Перепачканные джинсы, серая куртка, серая маска, рюкзачок за левым плечом, на ремне болтаются гайки.

- Привет! - сказал, останавливаясь на дипломатическом расстоянии. - Можно мне с вами?

- А ты кто?

- Ланс.

- Оружие есть?

- Я сталкер мирный, - сказал Ланс, снимая куртку и встряхивая ее. - Пусть парень меня обыщет.

По кивку Кошки Лох неуверенно приблизился, принялся хлопывать Ланса по бокам, ногам... тот поглядывал на него сверху дружелюбно и говорил Кошке:

- Сигурд на первой же "сковородке" спекся... Ну, все? "Кулуарка" у меня за левым голенищем, можешь забрать...

- У кого карту брали?

Ланс хохотнул:

- У Стервятника, кого ж еще! А мы когда с Сигурдом узнали, что вы сюда идете, думаем, дело верняк! А где ваши?

- Догонят, - хмуро сказала Кошка. Брать с собой Ланса не хотелось, но держать его за спиной...

- Хабар у нас поровну.

- Это ясно, - согласился Ланс. - Вот.

Он взялся за мешок, услышав приказ "медленно", успокаивающе кивнул. Преувеличенно тщательно начал развязывать и доставать из мешка хабар. Потом встряхнул на землю "джентльменский набор": банку сгущенки, кружку с ложкой, белую повязку "мертвеца". Кошка ногой разгребла хабар: зуда, браслет, батарейка...

- Делим на троих, остальное - по дошедшим, - Ланс задрал голову. - Ну, берешь?

- Идем.

Спрыгнув, она свернула карту.

- Держитесь правее. Там на пригорке "комариная плешь".

- Там? - показал Лох.

- Да. Иди по стенке.

Лох послушно вспрыгнул на развалины стены, прошел, балансируя, свернул за угол и скрылся из виду. Кошка вскарабкалась следом. Старые кроссовки чутко ощущали все впадины и выбоины, словно босые подошвы. Задержавшись на углу, оглянулась. Ланс стоял на стене, заглядывая вниз.

- А где плешь-то? Хоть посмотреть...

- Вон...

- Вот эта?

Кошка сделала несколько осторожных шагов назад.

- Видишь проплешину на пригорке?

- Где?

- Да вот же!

Дойдя до Ланса, Кошка наклонилась, показывая "выбритый" пригорок. Сталкер повернулся, качнулся, теряя равновесие, толкнул плечом Кошку - и та приземлилась на четыре кости прямехонько на "комариную плешь".

- Ну, чего вы там? - спросил Лох, вновь появляясь на стене. Ланс, почесывая подбородок, смотрел вниз на Кошку.

- Кошка влипла, - сказал задумчиво.

- Во, блин!

- Ну. Свалилась прямо на плешь. Одно мокрое место осталось...

Кошка медленно села, машинально отряхивая руки и колени. Поглядела на стоявших на стене парней. Лох, стараясь не смотреть на нее, спросил:

- Ну и что дальше?

- Хоронить там нечего. Пошли.

- А куда?

- Куда... Эй, а где карта?

- У нее была.

Ланс с досадой выругался.

- Ну хоть примерно дорогу знаешь?

- Вроде на ту трубу надо выйти...

- Пошли на ту.

Продолжая вытирать руки о колени, Кошка молча проводила их взглядом. Ланс оглянулся напоследок. Иди-иди... сталкер. Кошка легла спиной прямо на мягкую землю. Ногу за ногу стянула кроссовки. Пошевелила приятно попрохладневшими пальцами. Особо обидно не было, хотя она не ожидала попасть в трупятник так скоро... Заложив за голову руки, уставилась на медленно плывущие облака. А все-таки нужно доверять чутью - не надо было брать с собой Ланса. Может, у него роль такая - мочить сталкеров-конкурентов? Под Стервятника косит... Лоха жалко. Или пацан ему не помеха? А вот с картой он прогадал...

На душе становилось все гадостней и гадостней. Игра - дело личное - и в пределах собственной роли ты можешь быть героем или подонком, как тебе в данный момент или вообще по жизни хочется. Только нарываться на второго отчего-то всегда неприятно... Это от привычки к командной игре. Раньше ты всегда была готова к бою и обороне...

Кошка села, натянула кроссовки, вытащила с кармана традиционный бинтик для белой повязки мертвеца - чтоб было видно издали, что не стоит резать уже убитого, да и разговаривать себе во вред: уволочет с собой в Страну мертвых. Пошла, не разбирая, через кусты до хорошей дороги, которая когда-то называлась Доменной. Ветер, как облевившийся футболист, гонял туда-сюда листья, по асфальту змеились глубокие трещины. Кошка стянула маску, вытерла ею лицо и, вертя ее на пальце, неспешно побрела в мертвятник...

Мандос, как с первых XI традиционно называли владыку Страны мертвых, встретил Кошку брюзгливо.

- Имя? - спросил хмуро, раскрывая уже порядком исписанную тетрадь.

- Кошка, - покорно сказала Кошка.

- Время смерти?

- Тридцать пять минут назад.

Мандос, шевеля губами, сделал сложный расчет.

- Причина смерти?

- Комариная плешь.

- Иди, - Мандос мотнул головой. - Дрыхни.

Бодрствующие трупы встретили Кошку с полузлорадной приветливостью: если уж Кошка залетела в мертвятник в первую половину Игры, то им и сам Бог велел... Она рыскнула взглядом, своих не обнаружила, и опрокинулась на свободную "пенку". Сосед, не прерывая игры в карты, мотнул бритой головой.

- Твои были.

- Кто?

- Арнольд с Улыбкой.

- А Шустрик?

- Арнольд, говорю, с Улыбкой... что положишь, что? Арнольд от студня сдох, мужики напоролась на копов, Улыбку подстрелили. Шустрик удрал... ну куда, куда, глаза-то разуй!..

- На то он и Шустрик, - пробормотала Кошка и обнаружила перед носом раскрытую банку сгужи. Рыжий желтоглазый парень присел рядом с ней по-турецки.

- От нашего стола вашему столу! - он махнул рукой в сторону валявшихся с голыми торсами трупов - те вяло пошевелили верхними конечностями. - Твои велели передать тебе пиво - сказали, что скоро загремишь к Мандосу - но мы его оприходовали. Так что извини... Нам через полчаса выходить. Кипяток в ведре. Мандос с глубокой похмелью злой и не кормит. Где попалась-то?

- На Плеши.

Парень уважительно присвистнул. Свист получился звонким и переливчатым. Труп, пластом лежавший неподалеку, поднял голову, проворчал злобно: "Из могилы подымут, падлы..." По свисту Кошка узнала - Крис с Вольных Охотников.

- Без карты, что ли?

- В том-то и дело, что с картой... - пробормотала Кошка, открывая прижатую крышку сгущенки. В уме заново раскручивалась сцена на стене. Вот она подходит, наклоняется, Ланс разворачивается, из-под ног падают крошки цемента, взмах левой рукой... толчок правой, несильный, вскользь... Вот теперь лежи и думай - случайно-неслучайно... Кошка задумчиво лизнула с ложки сгущу.

Крис явно переотдыхал - так и подпрыгивал от нетерпения, как новенький мяч - яркий, рыжий, упругий.

- Карту, поди, у Стервятника брали? Он, говорят, специально сталкером на ловушки выводит. А слыхала, кто-то на границе Зоны рэкетом занимается? Сидят, ждут, когда сталкер с хабаром выйдет, раз-два - и готово... Много нашли?

- Да чего теперь... - сказала Кошка. Заметив ее движение, Крис достал и закурил две сигареты, отдал одну Кошке и стал рассказывать, как Вольные Охотники втроем загремели под смерть-лампу. Кошка облизывала ложку, запивая чуть теплым чифиром, слушала вполуха, поглядывая на сутолоку в кабаке напротив. Прищурилась. Похоже, мелькнул Шустрик. На Игре зрение почему-то резко обострилось, и очки ей были практически не нужны. Точно, Шустрик. Лавируя между посетителями, он вылетел из-под брезентового навеса кабака, прижимая локтем какой-то сверток. Мельком глянув на мертвятник, понесся было дальше. Остановился на ходу, обернулся, вглядываясь. Кошка кивнула, Шустрик вскинул руку - помахать, спохватился и почесал затылок. Постоял, соображая, схватился за голову, изображая вселенскую скорбь, и пошел дальше, но уже гораздо медленнее, оглядываясь на ходу. Кошка невольно начала улыбаться и, наконец, ощутила вкус сгущенки.

- Охотники! - гаркнул Мандос. - Свободны!

- Пока, Кошка! - радостно сказал Крис, вскакивая. - Ни пуха тебе...

- К черту! - напутствовала Кошка, доскребая последнюю ложку. Улеглась на спину, задирая на животе майку. Не обгореть бы на солнце, хоть бабье, но все же лето...

- Ну, привет! - сказал он. - Долго же ты добиралась!

Кошка остановилась на приличном расстоянии, раздумывая, почему она совсем не удивилась при виде Ланса. Он сидел на стене, мотая ногами, и с явным удовольствием разглядывал ее.

- Где пацан?

- В порядке ваш Лошонок, не бойся, - усмехнулся он. - Я его в кабак с хабаром послал.

- А сам остался организовать мне торжественную встречу? Или снова торжественные похороны?

- У меня есть карта с расположением Золотого Шара, - сообщил Ланс, спрыгивая со стены.

- Надо же, как тебе повезло.

- А перед Шаром стоит мясорубка.

- И что?

- А передо мной стоит отмычка. Сейчас я ее возьму, и пойдём к Золотому Шару.

- А есть еще такая птица, - сообщила ему Кошка словами Шустрика.

- Называется Обломинго...

Он прыгнул, Кошка тоже, но недостаточно быстро. В миковских играх допускается физическое насилие - когда оно не переходит в мордобитье. Оно и не перешло. Ланс просто выкрутил руку Кошки, упираясь коленом в ее спину, и разговаривая вполне доброжелательно, искал в карманах веревку.

- Нет, ты скажи, зачем вы, бабы, лезете в мужские игры? Ну иди играй в салоны, в ХИ, наконец, что ты сюда-то лезешь? А раз лезешь - терпи! - он повыше заломил кошкин локоть, она чуть не взвыла, хватанув губами пыль с земли. Отплевываясь, скосила взгляд:

- Ты всех баб так не любишь? Или только мне... честь такая?

- А ты что думала - всех умнее, да? - сказал он, почти касаясь губами ее уха. - Всех круче, да? Ты у меня на этой игре из трупятника не вылезешь! Поняла?

Локоть пошел еще выше. Кошка поняла. Поняла только сейчас - плевать ему на Игру. Плевать ему на все - кроме нее и себя. Он и на Игру приехал, наверное, только из-за нее... Что-то доказать ей, а в первую очередь - себе...

И с силой выбросив через плечо руку, вцепилась когтями ему в шею.

Когда он, наконец, поднялся, Кошка стояла в трех шагах от него, сжимая в руке обломок кирпича. Ее трясло - от ярости и страха - но пальцы впились так, что кирпич стал просто продолжением руки.

- Ну, - сказала она, едва шевеля онемевшими губами, - ну, иди сюда. Иди.

Пот и кровь с рассеченной брови стекали на глаза, но она старалась не моргать, потому что боялась пропустить, когда он шагнет вперед. От скачущего в горле сердца и хриплого дыхания он как будто качался, казался то ближе, то дальше... Он шагнул, и она сделала шаг в сторону - длинный осторожный стелющийся шаг, удивившись мимолетно, что подкашивающиеся ноги еще ее слушаются. Они кружили и кружили - Ланс говорил что-то, но Кошка уже не слушала и только повторяла тихо и неспешно, одним дыханием, словно гипнотизируя себя или его: иди, иди...

Ланс услышал первым. Его взгляд метнулся влево-вправо, он выпрямился, отступая, и медленно выдохнул - с облегчением? Кошка, не веря, не спешила повернуть голову, но, наконец, услышала тоже. Шаги и голоса приближались - из-за угла вывернули ее парни.

- Ого, Кош... - возопил Шустрик и смолк, уставившись на застывшую в полуприседе Кошку с кирпичом в руке.

Парень, стоявший напротив, отшагнул еще, сказал оживленно:

- Ну, привет!

Шустрик шагнул мимо:

- Кошка... ты что?

Арнольд медленно опустил на землю сумку и посмотрел на Улыбку. Тот, едва глянув на Ланса, наблюдал за Кошкой. Ланс хмыкнул, развел руками:

- Вот... хотел вашу Кошку в плен взять. Бешеная она у вас какая-то!..

Капитан опустил глаза, разглядывая землю под ногами. Шустрик повернулся к Лансу.

- В плен? В плен, да?

Арнольд прошел мимо, осторожно положил руку на кошкино плечо - она только сейчас ощутила судорогу, сковавшую ее плечи и руки, и осторожно вздохнула. Все еще глядя в землю, Улыбка задумчиво сделал шаг, другой, и вдруг молча кинулся на Ланса. Кошка еще успела услышать чей-то вскрик, как Арнольд круто развернул ее в противоположную сторону и, прижимая к твердому боку, потащил за собой, приговаривая:

- Идем, Кошка, идем, котеночек... Все хорошо, да, котенок?

Увел за угол цеха, усадил, пожал плечо, не зная, что сказать. Пробормотал неловко:

- Схожу посмотрю, ладно?

Кошка тупо взглянула на мгновенно появившегося перед ней Шустрика. Сев перед ней на корточки, то суетливо искал что-то в карманах.

- Вот с-сука... на, затянись... - он сунул в левую руку Кошки сигарету - та выпала. Шустрик тут же достал другую, прикурил от своей и осторожно вставил в распухшие губы Кошки. Кошка послушно затянулась, закашлялась, взяла сигарету трясущимися пальцами - безымянным и мизинцем, оберегая разбитые костяшки. Шустрик меж тем занялся ее правой рукой, пытаясь разжать пальцы.

- Ну все-все, отпусти его...

Кошка с недоумением взглянула на свою руку, как на чужую, и кирпич тупо ухнул в землю. Шустрик метнулся до угла, постоял, вытянув шею. Вернувшись, вновь сел на корточки.

- Он что, больной, да? Ненормальный?

Кошка сморщилась, облизала соленые губы.

- Нет, - сказала - ему или себе. - Он нормальный. Вполне.

На Игре мы такие, какими хотим быть. Какими разрешаем себе быть. Крутой мужик Ланс, которому когда-то - сама не помня когда и где - перебежала дорогу Кошка, и который не смог ни себе, ни ей этого простить.

Если он и болен, то только мной...

Она подняла глаза и стала смотреть на небо, чтобы не смотреть на подошедшего Улыбку. Тот сидел перед ней на корточках и молчал. Хо-

рошо, что он ничего не говорил и не дотрагивался до нее - потому что тогда бы она постыдно и безудержно разрыдалась.

- Пошли, - наконец сказал Улыбка. - Шустрик нашел Золотой Шар.

- Ну что, будем брать? - деловито спросил Шустрик. - Вчетвером мы его вмиг замочим!

- Погоди.

- Да чего годить? Говорят, эти ученые психи на подходе, а они собираются рвать Шар к чертям собачьим...

- Подожди, - сказал Кошка. - Так нельзя.

- Что нельзя? Как?

- Нельзя брать его грязными руками, Шустрик. Вот представь - замочишь ты этого бедного парня, придешь к нему, весь такой крутой и... шустрый и скажешь: "Хочу!" И представь - только представь - что он тебе выдаст?

Шустрик смотрел на нее, сморщившись, и мрачнел прямо на глазах. Похоже, представлял.

- Если бы я его первой нашла, я бы, наверное, тоже начала всех отстреливать...

Шустрик хмуро посмотрел на Улыбку.

- Знаешь, - спокойно сказал он. - А ведь она права.

Заматерившись длинно и цветисто, Шустрик сплюнул:

- Вечно вы... всю Игру обломали! Какую Игру! Раз в жизни, нет, раз в жизни, а тут вы... ну что вылупились? Пойду хоть науку не подпущу!

Ругаясь и поскальзываясь на осыпавшихся камнях, Шустрик выбрался наружу. Было слышно, как, не скрываясь, он идет вниз, покрикивая на ходу:

- Эй, братан, не стреляй, разговор есть!

Кошка с Улыбкой переглянулись. Вот за это я тебя и люблю, подумала она. Арнольд длинно вздохнул и молча полез наружу.

- Ну что, пошли? - негромко спросил Улыбка. Как-то очень нерешительно. И так же нерешительно протянул руку.

Светлане довелось прочитать кучу дамских романов и вволю похихикать над историями о любви и страсти безумной и прочими женскими мечтаниями...

Прикосновение пальцев было как удар. Как взрыв. Только мгновение назад они были врозь - а через миг, ошеломленные - вместе, рядом, сплетенные объятиями, прикосновениями, поцелуями, и не было места словам, только бессмысленному шепоту, губам, рукам, шелесту одежды...

Последними сорвали маски.

Она вышла на трассу, проходящую вдоль завода. Поглядела в обе пустые стороны. Это раньше здесь было очень оживленное движение, а сейчас ей ничего не светило - разве что "маршрутка" часа через три или какой-нибудь не слишком упертый дачник поедет домой не в воскресный, а в субботний вечер... Кошка пощурилась на садящееся солнце,

перекинула через плечо сумку и зашагала к видневшимся на горизонте туманным домам города. Она шла, разгребая ногами негусто еще нападавшую листву - листья шуршали и пересыпались, наплывало что-то детское, далекое...

По пути оглянулась только раз - на хлопки взлетевших над комбинатом ракет: Игра закончилась. "Игра окончена, спрячь в ножны свой клинок. Закончен бал, гасите свет, тушите свечи..."

Шум машины был слышен издали. Кошка обернулась, прищурилась - машина, приближавшаяся к ней стремительно и мощно, к маханию рукой не располагала - а то, как в том анекдоте, морду набьют: "Ты где, сука, "шашечки" увидела?" Джип, однако, плавно снизил скорость и остановился перед отступившей Кошкой.

- В город? - осведомился водитель. - Садись, подвезу.

- У меня только полтинник, - на всякий случай сказала Кошка.

- Да садись ты! - раздраженно сказал водитель.

Кошка уселась на переднее сиденье ("Маша, не садись в машину к незнакомым дяденькам!"), пристроила в ноги сумку и, посмотрев на плавно наплывающую дорогу, оценивающе взглянула на водителя. Со всем молодой мужик, лицо хмуроватое, похоже, не выспавшийся, и, похоже, мало обращающий внимание на свою пассажирку. Только похоже. Потому что, не отрывая глаз от дороги, поднял руку и повернул к Кошке зеркало заднего вида. Кошка взглянула и начала тереть щеку.

- Что, носом землю копала? - хмыкнул парень.

- Ну...

Видно, принял ее за нетерпеливую дачницу, не дождавшуюся автобуса. А сам? На садовода-огородника он походил мало, да и, судя по внешности и машине, находился в том счастливом возрасте и положении, когда на урожай и дачу было категорически плевать. Кто-то из игроков? А чего так сорвался? Судя по вчерашнему вечеру в Перекрестке, игроки были не против провести сегодняшний так же. Да еще и Игра закончилась неожиданно быстро, и никто не собирался домой.

В дружном молчании - похоже, парень тоже был не в настроении поддерживать разговор - они доехали до города.

- А вам куда? - с надеждой спросила Кошка. В ней внезапно включился режим жесткой экономии - отдать полтинник, да еще десятку в трамвае за несколько остановок, которые она явно была не в состоянии проковылять самостоятельно, казалось ей сейчас просто кошунством.

- Под мост.

- И мне под мост, - согласилась Кошка. Джип нырнул под мост и плавно тормознул на перекрестке. Кто-то возмущенно засигналил. Кошка, не глядя, показала средний палец, услышала фыркание водителя, и, спохватившись, спрятала руки под себя. Рассеянно поглядывая по сторонам, вдруг встрепенулась. У дома напротив элегантный мужчина в сером плаще, опершись о дверцу, вручал букет роз женщине, сидевшей в черном "мерсе". За что и был удостоен благодарственного поцелуя в щечку. Ах ты... Кошка, не раздумывая, вылетела из джипа, услышав за

спиной: "Ты куда? " И с лету врезалась в помахивающего рукой мужика, припечатав его к стене рядом с дверью подъезда.

- Денег, значит, на сапоги дочери у тебя нет, а на розы для своих бл... у тебя запросто! - выпалила в лицо бывшего мужа, для убедительности встряхивая его чуть ли не на каждом слове.

- Светка!.. ты что, взбесилась?.. она не... Светка, да отцепись ты!

Роман был мужиком не хлипким, но оторвать ее пальцы от своих лацканов был сейчас не в состоянии. Бывшая жена шипела ему в лицо, как змея:

- Денег, значит, не платят? В долгах, как в шелках, да?

- Свет, да успокойся ты! Ты же знаешь, у нас зарплату уже полгода...

- Да насрать мне на твою зарплату! Где машинки алименты?

- Эй, братан, помощь не нужна? - услышали они радостное. Света оглянулась и, воспользовавшись этим, Роман стряхнул с себя ее руки. Поправил сбившийся набор галстук. Щуплый тип, прислонившийся задом к капоту, почтения не внушал - Роман открыл было рот, но, разглядев машину, решил смолчать - чем черт не шутит...

- Отдам я тебе все! - сказал с досадой. - Ну что ты, как маленькая, ей-богу! Вот дадут зарплату...

Светка отступила, измеряя его взглядом. В черных запыленных джинсах, черной водолазке, с растрепанными волосами, с подсохшей ссадиной на губах, царапиной на обострившихся скулах... Такого он от нее не ожидал - ну просьбы, ну слезы, ну скандалы, но чуть морду ему не набить... И глаза, как у дикой кошки... Приняла, что ли, для храбрости, и приехала со своим екарем разбираться?

- Слушай, - сказала она - уже совсем спокойно. - А знаешь, что сейчас бывает за сокрытие доходов?

- А? Ты о чем? - он вновь, уже ненужно, поправил ворот рубашки и галстук.

- Если, допустим, кто-нибудь позвонит - знаешь, сейчас анонимные звонки принимают - и подскажет, где и кем работает оформленный сторожем Роман Сергеевич Горецкий, а?

- И что будет?

- Ничего, родной мой. Ничего, кроме неприятностей, тебе не будет.

Он не стал ничего доказывать или убеждать, потому что не знал, как вести себя с этой взбесившейся кошкой. Потом он придумает...

- Деньги переведешь на машин счет, - сказала его бывшая, влезая в гостеприимно распахнутую дверь джипа. - За восемь месяцев, не забудь!

- Я не найду сразу такую сумму, - вяло сказал он.

Светка рассмеялась ему из машины смехом булгаковской Маргариты.

- В понедельник! - и эффектно хлопнула дверью.

Ейный хахаль оторвал задницу от капота и, сказав радостно:

- До встречи, земляк! - сел за руль, на прощание отсалютовал пальчиками.

Кошка скользнула взглядом по унылой физиономии бывшего мужа - чего доброго, от озадаченности еще и заплатит... Спрятала под себя трясущиеся от злости руки.

- Теперь куда? - спросил водитель. - Домой?

Кошка кивнула, рассеянно глядя перед собой.

- Муж? - небрежно поинтересовался он.

Кошка опять кивнула. Сказала с отвращением:

- Бэ/у.

- Ничего, мужик видный, - великодушно заметил водитель. Кошка поглядела с яростью:

- Не понимаю! - сказала с отвращением. - Ну, мало ли как ты жил с женой! Но ведь с ней остается ребенок! Твой ребенок! Что ж вы носите от него по всему свету, как черт от ладана!

Парень хмыкнул неопределенно, благоразумно не пытаясь отвечать за всю сильную половину человечества. Завернул к ее подъезду. Кошка завоzilась было, разыскивая по карманам полтинник, но парень махнул рукой:

- Машке мороженого купишь.

- Ну, тогда спасибо большое.

Он поглядел, как Кошка вылезает из машины, и сказал неожиданно:

- Меня Саней зовут.

Она глянула настороженно.

- Спасибо... Саша.

Он вновь хмыкнул, уже веселее:

- Пока.

- До свидания.

Кошка кивнула уставившимся на нее соседкам, услышала за спиной шум отъезжающей машины, и только войдя в подъезд, поняла, что не говорила Сане свой адрес. Замедленно возилась с почтовым ящиком - ну надо же, успела раньше почтовых воров! - соображая, кто это был.

Господи, Шустрик! Шустрик такой - без приколов, без подначек, хмуроватый, молчаливый... Шустрик на джипе! Вот тебе и маски, вот тебе и инкогнито! Они все давно про тебя знают, еще, поди, на улице каждый день сталкиваемся! Посмеиваясь и качая головой, она открыла гремящую дверь и, поставив сумку, огляделась. Отсутствовала всего-то один день, но как будто вернулась из другой жизни. Как всегда после Игры все казалось немного чужим и непривычным.

Не разбирая сумку, вошла в ванную и, медленно раздеваясь, глянула в зеркало. Остановилась с полустянутой с рук водолажкой, придвинулась, рассматривая себя с серьезным недоумением. Сияющие глаза, светящаяся изнутри, несмотря на пыль и ссадины, кожа... Господи, и это - секс, любовь в каком-то полуразрушенном складе с полужнакомым, в сущности, мужчиной, к которому испытываешь странные полузабытые чувства... И это она, не мыслящая секса без белых простыней и чистых, пахнущих только мылом тел...

Ероша мокрые волосы, она вышла на кухню, машинально включая чайник. Выглянула в окно. Нет, за Машкой она сегодня не поедет. Сейчас завалится - и спать, спать, спать...

Загрузившийся компьютер требовательно запищал, и у нее ухнуло сердце. Медленно, очень осторожно, словно стараясь остаться незамеченной, она подошла к столу и так же медленно, почти нехотя, нажала ввод.

- Почему ты ушла? - спросил он.

Испугалась, честно призналась она. Испугалась того, что случилось. Испугалась того, что ушло. Испугалась того, что будет.

Она наклонилась и, наполовину веря своим словам, напечатала:

- Это Игра. Просто Игра. Только Игра. И для тебя - Игра.

Долгая пауза. Ответа не будет...

- Не решай - за меня.

Она стояла у окна, рассеянно водя пальцем по стеклу, не видя быстро синеющего вечера, и чувствовала себя по-дурацки, по-бестолковому счастливой...